

Содержание

Предисловие	8
Разрешение на радость.....	13
Многогрешные коты.....	21
Церковь холопов и церковь господ.....	32
Сословная праведность.....	34
Как смирять жену?	37
Невежество как добродетель	41
Батюшки и папиросы	43
Изображая веру	46
Как вернуть епископу отцовство?	50
Схимницы и феодалы.....	53
Синдром Навуходносора	56
Служение нежности.....	61
Мешок благодати.....	65
Взгляд с другой планеты.....	66
Аккумулятор благодати	69
С Монбланом на плечах.....	71
Матушка-кормилица	74
Муха в стакане с вином	76
Бунт на корабле	78
Митра для апостола.....	80
Как приручить монаха?	82

Самый редкий зверь на свете	85
Монахи и иноки	88
Обет скромности	90
Младенческая грация души	93
Приручение монашества.....	96
Монах в сапогах	100
Что взять с монаха?	105
Церковный пролетариат	110
Первый секретарь	113
Почему выгорают священники?	115
Богослов под микроскопом	117
Грех богословия	121
Богословие против благочестия.....	124
Старец и богослов.....	126
Кровь короля	129
Архитектор благочестия	138
Благочестие без Бога	140
Трепет перед Чашей	142
Пшеровская Пятидесятница	143
Пересобрать благочестие	145
Доспехи пастуха	148
Беспокойные монашки	149
Формула благочестия	154
Как увидеть веру?	159
Обоняние веры.....	161
Лев в винограднике.....	163
Иссохшее сердце	165
Дохлая вера	167
С чего начинается христианство?	172
Вера — это благодарность	175

Милость Богоматери	179
Судьба и вера	182
Сирофиникисса.....	184
Вера есть покаяние.....	186
Канон веры.....	188
Есть такая вера!.....	190
Вопиющий Предтеча	194
Бескорыстное благочестие	196
Гефсимания Предтечи.....	199
Труба Божия	201
Рождение мужа	204
Краткий курс педагогики.....	208
Икона доброты	212
Первый закон благочестия.....	214
Сокровище благих.....	217
Учитель воздержания	219
Убить за икону	221
Один из нас	224
Голубиный шаг	227
Вечный послушник	229
Режим деликатности	230
Любовь в квадрате.....	233
Вскую унываеши?.....	235
Приложить попечение.....	238
Предпоследнее время.....	241
Всемирный горожанин	245
Удобный батюшка	249
Благочестие свободы	251
В предпоследний раз	253

Предисловие

Знатоки уверяют, что в солидных американских фирмах было неписаное правило: хозяин компании, каким бы состоятельным он ни был, обязательно раз в месяц целый день проводил «в зале», в сердце рабочей суеты, среди сотрудников самого низкого звена. Считалось, что это помогало руководителю не отрываться от реальности.

Для православного священника или епископа таким «хождением в народ» является исповедь прихожан. Ведь парение на высотах духа и обычная сословная замкнутость весьма способствуют отрыву от «широких народных масс». А я вообще человек неприлично благополучный: уже четверть века живу в монастыре на всем готовом и трудно-сти, с которыми каждый день встречается рядовой гражданин, обходят меня стороной.

Люди более совестливые стыдились своего счастья. Удивительный мыслитель и писатель отец Сергей Дурьлин в юности бросил гимназию, хотя был одаренным юношей. Ему было стыдно, что он получает добротное образование, в то время как этой возможности нет у большинства

жителей Российской империи. Симона Вейль, тонкий философ, антиковед, яркий публицист, в свое время оставила спокойную и сытую жизнь преподавателя и ушла работать фрезеровщицей на завод «Рено», чтобы быть ближе к несчастным и обездоленным.

У меня нет таких нравственных сил. Видимо, я очень люблю покой и привык бездельничать. Но когда иду на исповедь или просто общаюсь с людьми, которых привела в церковь беда или забота, мое сердце сжимается от жалости. Может быть, если я еще способен к сочувствию, не такой уж я и пропащий?

Основная эмоция, поглощающая все душевные силы православного человека, это страх, что ты что-то делаешь не так, не по Святым Отцам, не по уставу, — а значит, ты не настоящий христианин. Во многом этот страх царствует в умах людей по причине невежества и недоразумения. Но не только поэтому. Есть еще и церковно-каноническая неразбериха, из-за которой совершенно непонятно, чего от нас хочет Бог, а чего требует Устав.

Православный человек словно находится между Богом и Уставом, причем Устав уважают больше, потому что он строже, страшнее, — значит, он и сильнее, а с силой считаются. С Типиконом не забалуешь! Это вам не какой-то Бог Любви, у Которого нет привычки заглядывать людям в тарелку. Типикон может и напугать, просто потому, что его краев и границ никто точно не знает. Законов

о том, что можно, чего нельзя, как правильно, а как не по-православному, что одобряли, а что не одобряли Отцы и что об этом было сказано в последнем видении инокини-схимницы Дульсинеи, — всего этого так много и все это так противоречиво, что обычному человеку не то что выполнить, но и просто собрать воедино не представляется возможным.

Однако подвох состоит еще и в том, что даже соблюдение всех этих неписаных и писаных норм и правил не устраняет простого вопроса: а что, именно *этого* от меня хочет Бог? *Такой* замыслил Он жизнь Своих детей возлюбленных?

И видится картина последней встречи, на которой мне надо дать Богу отчет в прожитой жизни. Я стану перед Ним таким, каков есть, и честно признаюсь, на что ушли мои жизненные силы. Из чего же состояла моя религиозная жизнь? Из страха, чувства вины и растерянности! И Господь спросит:

— Но почему? Ведь Я этого не просил!

Правда, вездесущий и всеведущий Типикон предписывает Богу совсем другие вопросы и ответы. Он точно знает, как нам отольется на том свете вкушение в постные дни печенья на маргарине и ношение юбок неканонической длины. Правда, Типиконом я тут называю не церковный устав, а то коллективное и бессознательное творчество, в котором участвуют и миряне, и духовенство — и даже не понятно, кто больше и активнее. Наши страхи и недоразумения создают весьма своеобразный

облик церковного благочестия, ветвящегося за-
тейливым и непроходимым лабиринтом.

И в нем мы бродим, как по полю брани,
Хранящему следы падений, бегств, смертей,
Где полчища слепцов сошлись в борьбе своей.

Это из «Дуврского берега» Мэтью Арнольда.
А вот история поближе.

В одном белорусском селе служил старень-
кий священник, любивший проповедовать.
В Неделю о Страшном суде он разразился та-
кой страстной проповедью, так живо и ярко опи-
сал мучения грешников, что церковь не просто
залилась слезами, а захлебывалась в плаче, ба-
бульки ревели в голос. Батюшка перепугался не
на шутку и принялся успокаивать заплаканных
старушек:

— Ну чаго вы так... Можа гэта яшчэ и ня-
прауда...

Мучения грешников — реальность. Необхо-
димость Церкви иметь Устав и канонические нор-
мы — бесспорна. Вместе с тем важно научиться
отличать пшеницу от плевел и не налагать на се-
бя и близких бремена неудобноносимые, — а мы,
священники, очень любим это делать, оправды-
вая свои радикальные пастырские опыты и аске-
тические эксперименты фразой из послания апо-
стола Иуды:

страхом спасайте (Иуд. 1: 23).

Однако этой педагогической стратегии возразил еще пророк Исаия:

...разве мало для вас затруднять людей, что вы хотите затруднять и Бога моего? (Ис. 7: 13).

Я отказываюсь спасать страхом. Современные христиане, буквально все, умеют читать и писать, до их сердец можно достучаться словами милосердия и доброты, не запугивая, не затравливая человека, не навязывая ему вечно-го чувства вины и выполнения ненужных и утомительных предписаний.

Время от времени я говорю себе, что не стану больше писать на эти темы, займусь чем-нибудь серьезным и значительным, тем более что мои слова многих раздражают. Меня разъедают сомнения: а надо ли вообще об этом говорить? Ведь людям нравится, их всё устраивает — и священников, и мирян, и епископов. Они мучаются, мучают других, но все довольны и другого счастья себе не желают. А я, выходит, только порчу всем праздник. Но мне жалко людей. И если я смогу облегчить жизнь хотя бы десятку человек, хотя бы чуть-чуть сделаю кого-то счастливее и добрее, то всё было не напрасно. Ведь тогда мы немного ближе станем к Тому, Кто Свою проповедь начал с призыва *отпустить измученных на свободу* (Лк. 4: 18).

Разрешение на радость

Стою на исповеди. Старушка всхлипывает и робко терзает усталый платок.

— Батюшка, я такая грешница!

— Правда?

— Даже стыдно сказать...

— Не робейте!

— Я на свадьбе плясала. И чего я туда пошла, на свадьбу на эту?

— Ну потанцевали, и ладно, чего переживать!

— Правда? Так это не грех?

— Что за глупости!

— Ой! А мне так хотелось!

Вы только подумайте, в чем каялась эта бабушка? Она танцевала! Что же тут такого? Да, собственно, ничего особенного, почему бы на свадьбе и не потанцевать? Но это вам «ничего особенного», а православному человеку непросто в этом мире, ему нужно особое разрешение на радость.

Одна моя знакомая как-то призналась, что завидует своим неверующим подругам: делают что хотят, кушают что хотят, загорают, танцуют,

ходят на фитнес, в кино, театры, — а себе хоть пропади! Зовут на новый спектакль — а в это время всенощная. У сестры юбилей — а тут, как на грех, пятница, да еще, не дай Бог, Усекновение или Воздвижение! Сядешь обедать — опять помолиться забыл! Батюшку в магазине встретил — обойдешь стороной. Не потому, что не любишь, а во избежание сложностей: брать благословение или просто поклониться? А если он без подрясника? А можно ли священнику говорить «доброе утро»? И вдруг потом придется поддерживать благочестивую беседу? А как беседовать, когда рядом соседка Людка? Ведь если искренне разговаривать — тщеславие, если сдержанно — веру предашь! Господи! И не прошел же Ты мимо, когда в церковь меня звал!

Не христианин, а нервный бегемотик!

Но самое страшное время — Великий пост! Время, когда православный понимает, что жить — это не только грех, но и большая ошибка!

Все религиозные журналы и календари пестрят заголовками про устав питания по дням: синим выделено сухоядение, фиолетовым — без масла, прямо под цвет лица и настроения! А в церкви службы дли-и-нные, пение по-о-стное! Постное пение — это не когда «Покаяние» Веделя и «Ныне силы» Львовского, а когда ты возьмешь лябемоль — и сил дойти до дома уже не останется.

А что делать? Всем трудно! Но обычаи храним и от веры не отречемся! Мы народ крепкий,

истине верны! Это католики придумали, что пост надо обязательно держать, только если исполнилось восемнадцать и не стукнуло шестьдесят. А после шестидесяти что, уже и поститься не обязательно? Ловко придумали! Кто бы у нас тогда пост держал, если не старушки за шестьдесят?

И тут выясняется, что и у нас все не так строго.

— Откуда вы знаете, что сейчас сухоядение?

— Из календаря.

— А как это правило попало в календарь?

— Из Типикона.

— А что такое Типикон? Вы его читали?

— Только первые главы. Но там так странно: выходит, что это устав какого-то мужского монастыря.

— Вы монах?

— Что вы! Я вообще женщина средних лет, и вот — трое детей и муж голодный из кухни выглядывает. Я лучше пойду, ладно?

Старушка, покаявшаяся в свадебных танцах, осталась мне благодарна. Но благодарна по-православному, то есть я абсолютно уверен, что в следующий раз она будет танцевать на свадьбе, а потом снова придет каяться, и скорее всего — ко мне, потому что все говорят: «Иди к Савве, он всем всё прощает! А если хочешь к настоящему батюшке, к строгому, то... (место для вашей рекламы)».

Внутри православной традиции вы можете найти взаимоисключающие правила и советы,

и от этой неразберихи просто кружится голова; а человеку, особенно молодому, очень важно знать: как правильно? Как на самом деле? Чего от меня хочет Бог? Ведь надо жить по воле Божией, а не вопреки ей! Но подумаем:

— Сухоядения и вкушения рыбной икры в субботу Лазаря — это именно то, чего от меня ждет Бог?

— Что вы! Этого не требует даже Церковь. Ведь Типикон — устав жизни типового мужского монастыря, составленный как образец по стандартам жизни семнадцатого века.

— А если я не монах и довольно редко бываю в семнадцатом веке, почему я должен выполнять эти требования?

— Чтобы показать единство Церкви!

— Но в чем же это единство, когда подавляющее большинство просто не в силах выполнить эти предписания? И, как оказалось, никто эти требования мирянам и не предъявлял. Да и сами посмотрите: этот стиль благочестия не эффективен, он не делает людей добрее, не приближает их к Богу! Это не малое стадо Христово, это кучка испуганных и издерганных ягнят с такими же перепуганными пастырями!

— Но ведь надо почитать старину и традицию! Не нами положено, не нам и отменять!

Сколько за эти годы было написано на тему поста, богослужебного устава и православного благочестия! Но все реплики и призывы

упираются в один суровый факт: необходимо творческое усилие Церкви и политическая воля церковного руководства, чтобы навести здесь порядок, сделать нашу религиозную жизнь более понятной, честной и логичной, иначе все эти статьи и книги будут иметь тот же эффект, что и поклеяка обоев в горящем доме.

Однажды меня отправили получать водительские права, и я был потрясен открытием нового мира знаков и значений. Водитель машины находится в ином семантическом поле, нежели пешеход. Оказывается, сорок лет я жил в параллельном мире! Конечно, мне было известно, что улицу переходят на зеленый свет, но что такое разделительная полоса, двойная сплошная и знак «Движение без остановки запрещено» — я не знал.

Я беспечно бродил по тротуарам, а в это время дорога жила своей насыщенной знаками жизнью. Здесь нельзя поворачивать налево, тут запрещена стоянка. Если желаете идти на разворот, придется проехать до кольца, только не забудьте, что приоритет у того, кто уже на кольце.

Религиозная жизнь — это тоже система знаков. Ведь религия только об этом — об обнаружении в знаке, *означивании* значительного, самого значительного, что только есть на свете. То есть о Боге и о человеке.

Религия — словно дорога со своей разметкой, знаками и светофорами. Согласен, не самая

удачная метафора, потому что сразу думаешь: какую же службу несут батюшки и епископы в этой объемной метафоре, «священники с большой дороги»? Но только представьте себе, что из глубокого уважения к трассе, которая помнит образцы героизма и доблести, из чуткой памяти к священному прошлому мы не меняем на этой дороге ни знаки, ни разметку!

Конечно, появились скоростные автомобили, дорожное полотно благодаря новым технологиям стало более прочным, люди лучше осведомлены и образованны, улучшились средства связи, и, совершенно естественно, появились новые знаки, нанесена свежая разметка. Вот только рука не подымается убрать старое, проверенное и уважаемое, с которым так много связано. И рядом с новым знаком по-прежнему стоит старый, и, рисуя новую разметку на асфальте, мы с чувством глубокого уважения обновляем и старую, которая, правда, противоречит новой, даже требует противоположного, — но ведь это настоящая старина, проверенная временем!

И автомобилист несется на свой страх и риск, потому что не может не ехать, — но и не в силах понять, где старый знак, где новый, и почему его штрафуют, и как случилась эта авария, и как так происходит, что на такой уважаемой трассе столько катастроф и столкновений и, главное, совершенно дезориентированы и водители, и пешеходы, и инспектор.

— Ты что, не видишь, что тут поворота нет?

— Так вот же знак — можно было поворачивать!

— А рядом какой стоит? Нет поворота!

— Так по какому знаку ехать, по старому или по новому? Хотя бы старый уберите!

— Как же мы его уберем? Он тут, знаешь, сколько стоит? С этим знаком столько всего связано! Не тобой поставлено, не тебе и трогать!

— Так ведь люди разбиваются!

— Потому что народ темный, учиться не хотят!

— А как учиться, если у вас и разметка на полдороги — и две сплошных, и прерывистая, и снова сплошная!

— Люди помудрее нас с тобой были, когда разметку ставили. К тому же народу очень нравится, когда старину чтят. Я бы вообще запретил по дорогам ездить. От ваших машин только суета. Копоть на древних знаках оседает да разметки священной из-за машин не видно. А ведь недавно отреставрировали! Если бы не такие, как ты, знаешь, какая бы у нас дорога была? Загляденье! Все бы хорошо, только люди мешают!

Мне этот выдуманный диалог напоминает вздыхания одного знакомого батюшки, который тосковал по «бесчеловечной службе», когда в храме был только он и регентша, которая все вычитывала, «не щадя живота своего».

И «маливались» они часов по пять, а потом чай пили у матушки Синклитикии из самовара.

Вот только дорога — чтобы ехать, ее строили не ради знаков и разметки. И если мы хотим, чтобы она была живой и служила своей цели, рано или поздно придется навести на ней порядок. Ведь Церковь — несущееся сквозь века ликование о Господе Воскресшем, и детям Божиим не нужно специальное разрешение на радость, если Христос посреде нас!